

Прошло уже несколько часов. Кажется, я закрыл глаза, но всё равно ничего не вижу. Так просто удобнее. Легче думать, когда не смотришь на мутную воду вокруг. Если у меня когда-нибудь появится шанс поговорить с мастером подземелий, я обязательно скажу ему, чтобы он спрятал что-нибудь в этой воде. Гигантских крабов-монстров или ловушки, что ли. Такая упущенная возможность!

Подождите-ка. Я останавливаюсь на мысли, которая только что пришла мне в голову. Ловушки.

Во время битвы с мамой-боссом авантюристы часто заходили в воду. Сама по себе она безвредна. Ну, может, немного противная, если ты живой, но не более того. Но что, если... что, если я размещу под водой несколько теневого зарядов? Спрячусь в воздухе и подожду, пока они наступят на один из них? Темный лорд, смилуйся. Это может всё изменить! Мои глаза снова открываются, а ведь были закрыты. Так я мог бы убить кого-нибудь из них. Ох, может, мне даже удалось бы прикончить героя. Если бы он шагнул в воду, а я бы захлопнул теневого заряд, уверен, от ноги бы точно ничего не осталось. Он был бы полностью выведен из игры.

Если бы я убрал героя, у мамы появился бы шанс. Я ударяю себя по голове, чтобы прийти в себя. Фея-мать. Не моя. Мой кулак, однако, замедляется окружающей водой, и инерция движения похожа на ту, что бывает, когда пытаешься бежать во сне. Ватная. Слабая. Но я знаю, что пытаюсь сделать, так что это всё равно работает, если это имеет смысл. В сущности, это скорее символический жест.

Однако мой энтузиазм угасает, когда я понимаю, что в этот раз у меня ничего не получится. Так что мне придется запомнить это до тех пор, пока я снова не стану темной феей в другой жизни. Ловушки. Ловушки. Я произношу это слово несколько раз, пытаюсь выгравировать его в своей памяти. Мне нужно это запомнить. Это может быть прорывом. Это может произвести революцию в индустрии подземельестроения, какой мы ее знаем.

Конечно, у мастера подземелий есть свои ловушки. Обычные вещи. Вращающиеся лезвия, валуны и всё такое. Но, честно говоря, они чаще убивают нас, чем авантюристов. Насколько мне известно, им вообще ни разу не удавалось никого из авантюристов поймать. Вы должны понимать, каково наше положение. Низшая ступень. Самые низы. В подземелье всё ужасно.

Но как насчет ловушек, устроенных рядовыми мобами? Не считая мимиков, которые сами по себе являются ловушками. Авантюристы бы этого не ожидали. Они бы никогда этого не предугадали. Я улыбаюсь. По крайней мере, мне так кажется. Челюсти у меня всё еще нет. Ловушки. Запомню ли я? Надеюсь, что да. У меня проблемы с памятью. Кем я был в позапрошлой жизни? В прошлый раз я был гоблином, верно? Так кем же я был до этого? Я ломаю голову, отчаянно пытаюсь занять себя. Я не могу не думать. Если я остановлюсь, если уступлю место туману в голове, то уже не верну его обратно. Я в этом уверен. Сколько я уже потерял?

Сколько времени прошло? Я уже могу умереть? Я пытаюсь посмотреть наверх, на поверхность, чтобы увидеть, не изменился ли свет. Чтобы увидеть, не мелькнет ли заклинание или какая-нибудь тень, не пробегут ли по воде круги от летучей мыши. Но ничего не меняется. Думаю, я слишком глубоко, чтобы что-то увидеть. Хотя, мне кажется, еще слишком рано для всего этого. Черт. Это просто ужасно. Я скучаю по тому времени, когда был гоблином. Но, полагаю, это всё

лишь часть участи темной феи, как и теневой... Теневой... Теневой... Я повторяю эти слова про себя, понимая, что я идиот. Мама вырастила дурака. Подняв руку, я складываю пальцы для заклинания и создаю теневой заряд прямо над собой, направляя его в камень, который придавил меня ко дну. Я целюсь в верхнюю часть, чтобы он раскололся пополам. Выпускаю заклинание. Мое тело пронзает мощная вибрация, единый импульс проходит сквозь меня и устремляется в скалистый осадок, на котором я лежу.

Камень, который всё это время держал меня в плену, раскалывается надвое, и его части, как и планировалось, падают слева и справа от меня. Почему я не додумался до этого раньше? Это же так очевидно. Я пытаюсь выбраться из-под обломков, отталкиваясь руками. Мне это удастся. Ну... не совсем. У меня нет ног. Я теперь просто торс с руками и головой. Мои ноги — это бесформенная каша передо мной, отделенная от того, что осталось от верхней части моего тела. О боже. Это как в тот раз, когда герой разрубил меня пополам, но не так плохо, потому что сейчас я этого не чувствую. Но это всё равно мерзко, понимаете? Внезапно посмотреть вниз и увидеть, что у тебя не хватает половины тела. Я отодвигаюсь подальше. Полагаю, ноги мне и не нужны, ведь я фея.

Меня осеняет горькая догадка. Без ног я всё равно не смогу выбраться из воды. Какая же у меня паршивая жизнь. Это худшая из моих жизней. Тем не менее я карабкаюсь по грибу, как и раньше. Никогда не сдавайся. Мама бы этого не хотела. Скажу вам, что с одними только руками забираться на эту штуку куда сложнее, чем можно подумать. На это уходит уйма времени, и мне приходится цепляться за каждый выступ. По пути я теряю еще один палец и кладу его в сумку к другому. Хотя я до сих пор не понимаю, зачем я их храню — ноги я же не стал оставлять. Передо мной шляпка гриба, стена, на которую мне удастся взобраться. Но теперь, сидя на краю, я понимаю, что без ног не могу высунуться из воды. Я слишком маленький. Но теперь есть кое-что еще. Сталагмит, который я раньше отколол. Передо мной торчит каменный столб.

Движение получается неуклюжим, но я толкаю себя вперед руками, совершая что-то среднее между прыжком и броском. Хватаюсь за край камня. Он немного выше того места, где я только что был. Однако это было рискованно, я чуть не свалился обратно в бездну, но мне удастся подтянуться. Верхняя поверхность шероховатая, с неровными краями — там, где я разрезал его заклинанием. Некоторые обломки торчат выше остальных, и мне удастся взобраться на один из них и выбраться на поверхность. Моя крошечная голова пробивается сквозь толщу черной воды, которая, кажется, давит на меня, как утяжеленное одеяло, — поверхностное натяжение не желает уступать моему жалкому напору.

Я смотрю вокруг.

О. Все мертвы. Ну, дважды мертвы, учитывая, что до этого они были нежитью. Но вы поняли, о чем я. Арена охвачена огнем. В мою сторону поворачивается чье-то лицо. Жрица из отряда героя. На ней длинная белая роба с капюшоном. По краям капюшона и рукавов вышиты цветочные и геометрические узоры. Она что-то говорит остальным. Я не понимаю их язык, для меня это просто набор звуков. Большинство из них выглядит равнодушным.

Их тут несколько, но я не вижу всех, кто был раньше. Интересно, где они? Рыжеволосая волшебница здесь, она бросает на меня взгляд, но потом снова переводит его на героя. Я перевожу взгляд на центр арены. Мама снова мертва. Вот же черт. Прости, мама, в этот раз я

всё испортил. Слабость еще не наступила, должно быть, это случилось всего секунду назад. У меня есть еще минута, может, две, прежде чем начнется угасание. По какой-то причине у нежити на это уходит немного больше времени. Хотя... это было быстро. Слишком быстро. Разве у меня не было больше времени? Или я совсем потерял счет времени там, внизу? Если еще одно чувство дало сбой, особенно такое важное, как чувство времени, то у меня серьезные проблемы.

Что ж, если жрица меня убьет, то и ладно. Это и было моим планом. Мне кажется, она жалеет нас, у нее всегда такое грустное выражение лица, когда я ее вижу. Не то что у остальных. Они-то радуются, настоящие карьеристы, насколько я могу судить. Полагаю, именно такие люди обычно и становятся авантюристами. Тихушница, скорее всего. Но каждый раз, когда она меня убивала, это происходило быстро, так что, наверное, мне это в ней и нравится. Вижу героя в глубине зала, он стоит один у двери и смотрит в свое меню. Да. Это как маленький золотой прямоугольник, который он может проецировать перед собой. Внутри него разные значки и буквы, но я, кроме гоблинских иероглифов и фейских знаков, больше ничего не понимаю.

Ах, я слышу это слово. Знакомое заклинание. Я не знаю, что она говорит, но я запомнил его звучание. Я снова смотрю на жрицу, ее ладони сложены чашечкой, как будто она держит в них жидкость. Собственно говоря, так и есть. Вроде того. Это... белая субстанция. Яркая, разноцветная, текучая субстанция зажата в ее сцепленных руках, жидкая белая субстанция струится между пальцев, которые не могут полностью ее удержать. На белую субстанцию всегда приятно смотреть, она очень красивая. Яркая, живая, мне она очень нравится. Таких цветов я здесь больше нигде не вижу. Розовый, небесно-голубой, весенне-зеленый. Очень радостные, красивые оттенки. Мне грустно. Почему? Цвета наводят на меня тоску. Почему? Я же этого и хотел.

Что-то касается моей спины. Я понимаю, что сдвинулся с места, и отодвигаю сумку. Ах да. Точно. Я же на ней сижу. Жрица внимательно наблюдает за мной, чтобы я не попытался ее убить. Не бойся, я не стану. Ты моя любимица. Я поворачиваюсь к ней боком, тем, на котором висит сумка, чтобы она ее видела. Медленно развязываю ее и достаю единственную монету. По ее лицу вижу, что мои движения ее пугают. Ничего страшного. Я понимаю. Это нетипичное поведение для нежити. Она снова говорит с остальными членами отряда, но они продолжают ее игнорировать. Она повторяет, но теперь ей что-то резко отвечает волшебница. Она недовольно смотрит на меня. Ее ладони размыкаются, жидкость в воздухе зависает в пространстве. Она вращается и извивается, как тесто, которое мнут, придавая ему какую-то неопределенную форму, пока еще неведомую. С серьезным выражением лица жрица прикасается к заклинанию, и оно превращается в идеальный диск, который в мгновение ока летит ко мне плоской стороной вперед, как удар молнии.

Я видел это много раз. Это была хорошая смерть. Я был к ней готов. За секунду до того, как заклинание срывается с ее рук, я бросаю монету жрице. Плата за оказанные услуги. Я не успеваю увидеть ее лицо, прежде чем умереть. Надеюсь, этого хватило.

Всё белое... Ох. Ах. М-м-м~ Умирать от белой субстанции, будучи нежитью, — это нечто особенное, ребята. Нет, не в том смысле! А ну-ка, уберите свои грязные мысли! Это как будто все ощущения, чувства, нервные импульсы, которых у тебя не было, возвращаются разом, на какую-то долю миллисекунды, а потом всё заканчивается. Но в эту миллисекунду всё такое теплое и мягкое. Такое чувство, будто ты завернулся в толстое, пушистое одеяло и лежишь в

постели холодным зимним днем. Как будто ты — единственное теплое и уютное создание во всем мире. Как будто ты — сгусток света во тьме. Приятная смерть. Мне грустно.

Хотелось бы мне разделить эту смерть с кем-нибудь. Умирать в одиночестве тоскливо. Умереть можно только в одиночку, это очевидно. Человек, который тебя убивает, никогда не узнает, что ты чувствуешь в этот момент. И хотя мне очень нравится это чувство, почему же мне так грустно? Черт. Соберись. Новый день. Новая жизнь. Я бы потряс головой, но у меня ее больше нет. Я эфемерен, бесплотен. Я там, куда попадаю после смерти. У меня нет чувств, нет зрения, вкуса, осязания. После того как тело умирает, остается лишь узор моих мыслей. Пройдет минута, прежде чем я освобожусь. Прежде чем перерожусь. Это всегда происходит немного по-разному, в зависимости от того, как я умру и кем. Нежить обычно возрождается довольно быстро. Живым приходится ждать дольше, пока их дух не будет готов покинуть тело. В этой смерти и воскрешении есть настоящая наука. Ну, а нежить была готова очень-очень давно. Жаждала двигаться дальше, к тому, что ждет впереди. В моем случае всё не совсем так, так что, возможно, поэтому я тоже задерживаюсь здесь на секунду. Мне одиноко, когда я умираю, поэтому, полагаю, я стараюсь этого избегать на каком-то уровне.

Мне хочется вздохнуть, но я не могу. У меня нет для этого физической возможности. Надеюсь, в следующий раз я стану гоблином. Мне кажется, я уже давно не был гоблином. Подождите...

Нет, я же только...

<http://tl.rulate.ru/book/115849/4551381>